

Никколо Паганини

Отец Никколо, Антонио Паганини (1757—1817), всю жизнь мечтал быть великим музыкантом, но стал лишь мелким торговцем в Генуе. Когда в его семье появился сын, Антонио сразу же заметил, что у мальчика необычайно тонкий слух. Стоило ребёнку услышать колокольный звон, доносящийся из соседней часовни (нужно сказать, что звонарь ужасно фальшивил), и малыш заливался надрывным плачем, унять который могло лишь тихое пение матери или щебет птиц. Антонио решил, что грех хоронить такой талант, и, как только Никколо подрос, с шести лет его начали обучать игре на скрипке. Антонио прикладывал все силы для того, чтобы его наследник стал великим музыкантом. Порой отцовские методы были слишком жестокими. Маленький Никколо проводил в тёмном подвале по 10–12 часов без еды, разучивая бесконечные упражнения и гаммы. Иногда, если мальчик знал, что отца нет поблизости, он развлекал себя тем, что копировал при помощи скрипки мяуканье соседской кошки, чириканье воробья или смех матери. Эти забавы доставляли ему гораздо больше удовольствия, чем разучивание скучных этюдов. Часто от непосильной нагрузки у Никколо немели пальцы. Постоянное отсутствие свежего воздуха и недостаток солнечного света сделали мальчика бледным и болезненным, а бесконечная игра на скрипке привела к тому, что у ребёнка навсегда испортилась осанка и одно плечо стало намного выше другого. Но никто — ни отец, ни учителя — ни минуты не сомневался, что из Никколо со временем получится гениальный скрипач. В девять лет Паганини выступил с концертом в Генуе, который имел огромный успех. К десяти годам юный музыкант стал регулярно выступать в церквях на воскресных мессах и других торжественных богослужениях. Мальчиком он написал несколько произведений для скрипки, которые были так трудны, что кроме него самого никто не мог их исполнить.

Жан-Огюст-Доминик Энгр Портрет Паганини 1819 г.

В начале 1797 г. Паганини с отцом предпринял первое концертное путешествие по Ломбардии.

На одном из концертов его услышал богатый аристократ, маркиз Джанкарло ди Negro, и, поражённый игрой Паганини, решил стать его покровителем. Он сам отвёз Никколо и его отца во Флоренцию, а затем в Парму, представил самым известным скрипачам того времени. Паганини брал у них уроки исполнительского мастерства и композиции. Но каждый раз его ученичество не было продолжительным: учителя быстро убеждались, что ученик превосходит их.

В 1801 году 19-летний Никколо Паганини, устав от мелочной опеки отца, покинул родительский дом и отправился в Лукку. Там он принимал участие во многих концертах и вскоре приобрёл известность. Никколо, предоставленный себе, начал вести бурную и активную жизнь, постоянно гастролировал, что отразилось как на его здоровье, так и на репутации "скряги". Впрочем, необычайный талант этого скрипача возбуждал всюду завистников, которые не пренебрегали никакими средствами, чтобы каким бы то ни было путём повредить успеху Паганини. Его слава ещё более возросла после путешествия по Германии, Франции и Англии. В Германии он даже получил титул барона. Именно тогда поползли слухи о том, что юный скрипач одержим дьяволом, — по сравнению с ним все прославленные музыканты казались сапожниками, впервые прикоснувшимися к скрипке, и публика отказывалась верить, что Паганини достиг такого мастерства без вмешательства потусторонних сил.

Внешность музыканта лишь укрепляла эти подозрения.

Мертвенная бледность, горящие глаза, глубокие морщины, столь неуместные на лице 22-летнего музыканта, слишком длинные пальцы, удивительная худоба и одно плечо, заметно возвышающееся над другим, — всё это придавало Никколо сходство с нечистым духом.

В Вене ни один артист не пользовался такой популярностью, как Паганини. Хоть размер гонорара в начале XIX столетия далеко уступал нынешним, но тем не менее Паганини оставил после себя несколько миллионов франков.

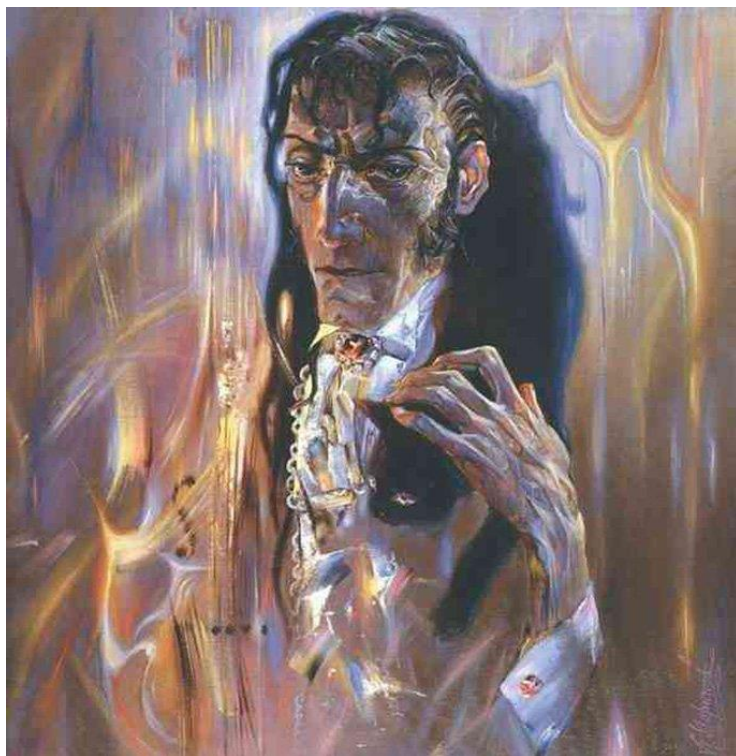
В 1804 г. на одном из концертов Никколо Паганини заметила Элиза Баччокки. В то время красавица-корсиканка была полновластной хозяйкой Лукки. После французской оккупации Лукка превратилась из республики в герцогство, фактической правительницей которого стала сестра Наполеона Элиза, выданная братом замуж за герцога луккского Феличе Баччокки. Услышав игру Никколо, Элиза тут же пригласила его в своё поместье. Вечером она предложила музыканту исполнить с ней сонату на фортепьяно в четыре руки. Не успели отзвучать последние аккорды, как Элиза поцеловала музыканта в щёку, сказав при этом, что поцеловать великого Паганини — всё равно, что прикоснуться к святыне. Никколо был возмущён. Его раздражали слухи о его нечеловеческой природе, ему не нравилось, что его подозревают в сговоре с дьяволом, считают святым и вообще, чем угодно, но не обычным человеком, о чём он довольно резко сообщил герцогине. Однако его гневная речь была прервана новым поцелуем — на этот раз более страстным, и в губы. И уже ближайшей ночью страстная корсиканка убедилась в том, что перед ней действительно человек, нежный и ласковый любовник. Их связь продлилась 4 года, затем они расстались. Никколо раздражало, что герцогиня относится к нему как к некой диковинке, которую удалось заполучить себе в коллекцию. Хвастается им, как дорогой игрушкой, но при этом её не волнует, что чувствует её «новое приобретение». В итоге их отношения превратились в череду сплошных ссор и взаимных упрёков, и в 1808 г. Никколо Паганини покинул имение Элизы Баччокки.

Никколо Паганини в возрасте 32 лет 1814 г.

То ли герцогиня научила Никколо искусству любви, то ли дело было в его небывалой популярности и шлейфе самых невероятных слухов, которые тянулись за музыкантом, но женщины действительно сходили по Паганини с ума, несмотря на его, мягко говоря, непривлекательную внешность. Его игра часто вызывала истерики у прекрасной половины зала, но дамы слетались на его концерты, как мотыльки на огонь. Один из романов великого музыканта закончился скандалом. В 1814 году Никколо познакомился с некоей Анджелиной Каванна. Дочь обычного портного собрала последние деньги, чтобы попасть на концерт и посмотреть на таинственного виртуоза. А чтобы убедиться, что перед публикой действительно выступает сам сатана, девушка проникла за кулисы — ей казалось, что вблизи она сумеет разглядеть какие-то признаки нечистой силы, окружающей музыканта. Страсть вспыхнула внезапно, и, закончив выступления, Паганини пригласил девушку поехать с ним на гастроли в Парму. Вскоре стало ясно, что у неё будет ребёнок, и Паганини отправил её тайком к друзьям, жившим в окрестностях Генуи. Но отец Анджелины разыскал дочь и подал на Никколо в суд за похищение дочери и насилие над ней. Скрипача арестовали и посадили в тюрьму. Через 9 дней его выпустили, заставив заплатить портному компенсацию в размере 1200 лир. После этого начался утомительный судебный процесс. За то время, что тянулись судебные слушания, ребёнок Анджелины успел родиться и умереть, но, в конце концов, Паганини отделался лишь очередной денежной компенсацией и пятном на репутации. Впрочем, скандал, связанный с дочерью портного, ничему не научил влюбчивого музыканта. В 1816 году 34-летний Никколо увлёкся 22-летней Антонией Бьянки — молодой, но талантливой певицей, которой Паганини помогал с подготовкой сольного выступления. Их отношения нельзя было назвать простыми: Антония, с одной стороны, поклонялась Никколо, с другой — слегка побаивалась его, но при этом без зазрения совести изменяла ему с певцами из хора, молодыми аристократами и простыми лавочниками. Однако Антония умела быть нежной. Она трогательно ухаживала за

Никколо, когда он болел, следила за тем, чтобы он не простужался и хорошо питался. С ней музыкант чувствовал себя уютно и старался не думать о её изменах. Правда, её неверность была столь очевидной, что не заметить этого не мог даже слепой. Паганини то пытался мстить Антонии, заводя интрижку за интрижкой, то выгонял её из дома, но за очередной ссорой всегда следовало примирение. В 1825 году Антония родила Никколо Паганини сына Аккиле (вариант – Ахилла). Никколо души не чаял в своём наследнике, ему доставляло удовольствие купать ребёнка, менять ему пелёнки. Если малыш долго плакал, отец брал в руки скрипку и, вспоминая собственное детство, извлекал из инструмента пение птиц, скрип телеги или голос Антонии — после этого маленький Аккиле тотчас успокаивался. После рождения ребёнка отношения Никколо и Антонии вроде бы наладились, но оказалось, что это было всего лишь затишье перед бурей. Однажды Никколо услышал, как Антония объясняет маленькому Аккиле, что его отец не обычный человек, что он связан с добрыми, а может, и не совсем добрыми духами. Этого Паганини стерпеть не смог, и в 1828 г. он навсегда расстался с Антонией Бьянки, добившись единоличной опеки над сыном. После разрыва с Антонией Паганини работал как одержимый. Он давал один концерт за другим и просил за свои выступления невыносимые гонорары — Никколо старался обеспечить сыну достойное будущее. Бесконечные гастроли, тяжёлая работа и слишком частые выступления постепенно подрывали здоровье Паганини. Однако публике казалось, что волшебная музыка льётся из его скрипки как бы сама собой. Даже коллеги-музыканты стали относиться к Паганини с предубеждением, считая, что обычный человек просто не в состоянии давать столько концертов подряд и при этом играть неизменно прекрасно. Корреспондент светской хроники одной из газет того времени назвал вещи своими именами: «Все уже давно поняли, что Паганини находится в самых близких отношениях с сатаной, если только это не одно и то же лицо». Но теперь Паганини было плевать на слухи — он должен был устроить судьбу своего ребёнка. В конце декабря 1836 года Паганини выступает в Ницце с тремя концертами. К тому времени он постоянно болеет, его здоровье подорвано. Несмотря на то, что скрипач прибегает к помощи многих именитых врачей, никто из них не сумел избавить его от многочисленных недугов.

А. Маранов. Никколо Паганини 1995 г.

В 1837 году Паганини еще давал концерты в Турине, но в следующем году его здоровье резко ухудшилось. В 1839 году по предписанию врачей Паганини поселился в Марселе. К страданиям от болезни прибавились проблемы, связанные с очередной судебной тяжбой, в результате которой скрипач должен был выплатить 50 тысяч франков - весьма значительную по тем временам сумму.

В октябре 1839 года Паганини, в чрезвычайно нервном состоянии, еле держась на ногах, последний раз посещает родную Геную.

В 1840 г. болезнь отняла у Паганини последние силы. Умирая от туберкулёза, последние месяцы жизни Паганини провел в Ницце, он не выходил из помещения, у него постоянно болели ноги, а многочисленные болезни уже не поддавались лечению. Он оказался настолько истощен, что не мог взять в руку смычок, скрипка лежала рядом, и он перебирал ее струны пальцами.

В письмах к друзьям он жаловался: "Грудной кашель, который мучает меня, очень огорчает, но я держусь больше, чем могу, и хорошо ем то, что мне готовит "великолепный повар"... Я разваливаюсь на куски, и мне бесконечно жаль, что я не могу снова увидеться с нашим добрым другом Джордано..." Именно к Джордано обращено последнее письмо Паганини от 12 мая:

"Мой дорогой друг, и все же возможно не отвечать на сердечные письма друга. Обвини в этом упрямые и бесконечные болезни... Причина всему этому судьба, которой угодно, чтобы я был несчастлив..."

Доктор Бине считается в Ницце самым лучшим врачом, и только он лечит меня сейчас. Он говорит, что, если мне удастся на треть уменьшить катар, я смогу еще немного протянуть; а если удастся на две трети, то я смогу питаться, но от лекарств, которые я начал принимать четыре дня тому назад, нет никакой пользы".

Неописуемые мучения пережил Паганини в последние дни жизни - с 15 по 27 мая. Долгими часами он упрямо пытался проглотить хоть крохотнейшие кусочки пищи, и, уже совершенно потеряв голос, он не мог объяснить даже с сыном и писал свои просьбы на листках бумаги... Юлиус Капп в своей книге дал факсимильное воспроизведение последнего листка, на котором Паганини написал: "Красные розы... Красные розы... Они темно-красные и кажутся дамаском... 18, понедельник".

Начиная с этого дня, он уже не брал больше в руки пера. О последнем часе великого музыканта написано немало фантастического. Один поэтический рассказ рисует такую картину: Паганини умирает в лунную ночь, протянув руку к своей скрипке. На самом деле все было не так поэтично.

Один из друзей скрипача, не покидавший его в последние дни, Тито Рубаудо, рассказывал, что ни он сам, ни кто-либо другой из тех, кто бывал в эти дни рядом, не думали, "что так близок его конец, как вдруг Паганини, согласившийся пообедать, начал мучительно кашлять. Этот приступ и оборвал мгновения его жизни".

Это подтверждает и другой очевидец - Эскюдье. По его свидетельству, когда Паганини садился за обеденный стол, у него внезапно начался сильный приступ кашля. Он захаркал кровью и тотчас захлебнулся ею. Произошло это 27 мая 1840 года, в 5 часов дня.

Паганини скончался в возрасте 57 лет. Перед смертью к музыканту дважды приходил священник, однако исповедаться Паганини так и не смог — скрипач совершенно потерял голос. Это привело церковь в ярость, и церковники запретили предавать «сатану» земле в любой стране, где есть христианский крест. Епископ Ниццы даже отказал в заупокойной мессе.

Никколо Паганини был тайно похоронен в местечке Валь-Польчевера, рядом с загородным домом его отца. Лишь спустя 19 лет сын великого скрипача Аккиле добился того, чтобы останки Паганини были перенесены на кладбище в Парме.

В завещании Паганини было написано: "Запрещаю какие бы то ни было пышные похороны. Не желаю, чтобы артисты исполняли реквием по мне. Пусть будет исполнено сто месс. Дарю мою скрипку Генуе, чтобы она вечно хранилась там. Отдаю мою душу великой милости моего Творца".

Пирогов Александр Петрович Паганини 2007 г.

Имя Паганини было окружено некой таинственностью, чему содействовал, и он сам, говоря о каких-то необычайных секретах своей игры, которые он обнаружит только по окончании своей карьеры. При жизни Паганини было напечатано очень мало его сочинений, что его современники объясняли боязнью автора к обнаружению многих тайн его виртуозности.

Непревзойденный успех Паганини лежал не только в глубоком музыкальном даровании этого артиста, но и в необычайной технике, в безукоризненной чистоте, с которой он исполнял труднейшие пассажи, и в новых горизонтах скрипичной техники, открытых им.

Работая усердно над произведениями Корелли, Вивальди, Тартини, Виотти, он сознавал, что богатые средства скрипки не вполне ещё угаданы этими авторами. Труд знаменитого Локателли «L'Arte di nuova modulazione» навёл Паганини на мысль воспользоваться разными новыми эффектами в скрипичной технике. Разнообразие красок, широкое применение натуральных и

искусственных флажолетов, быстрое чередование пиццикато с арко, удивительно искусное и разнообразное применение стаккато, широкое применение двойных и тройных струн, замечательное разнообразие применения смычка, игра на одной струне (четвёртой) целых пьес — всё это приводило в удивление публику, знакомившуюся с доселе неслыханными скрипичными эффектами.

Когда Никколо Паганини объявил, что напишет сонату для одной струны, его подняли на смех. Но после того, как замолкли последние звуки знаменитой военной сонаты «Наполеон», никому в голову не приходило смеяться. Маэстро уже закончил играть, а публика всё ещё сидела, затаив дыхание. Никто не мог поверить, что такую мелодию можно сыграть на скрипке, у которой есть только одна верхняя струна.

«Всё-таки он не человек, это сам дьявол!»

«Больше никто не может так привораживать людей»

«Он делает струны для скрипки из кишок своих любовниц, а женщины так и льнут к нему», — пронёсся по залу тихий шепоток. И тут раздались аплодисменты.

Паганини был настоящим виртуозом, обладавшим в высшей степени яркой индивидуальностью, основывая свою игру на оригинальных технических приёмах, которые он исполнял с непогрешимой чистотой и уверенностью.

Паганини обладал драгоценной коллекцией скрипок Страдивари, Гварнери, Амати, из которых свою замечательную и наиболее любимую скрипку работы Гварнери завещал родному городу Генуе, не желая, чтобы какой-нибудь другой артист на ней играл.